

Оксана Дмитриева, член бюджетно-финансового комитета, комиссии по промышленности, экономике и собственности Законодательного Собрания Санкт-Петербурга рассказывает о том, что кризис выявил ошибочность пенсионной реформы и «оптимизации» здравоохранения и что регионам нужна помощь центра для поддержки малого бизнеса. По ее мнению, новая стратегия развития экономики должна стимулировать вложение денег в реальное производство и отечественную науку, чтобы российские медицинские технологии работали не только в России, но и стали частью нашего сырьевого экспорта.

Какие с Вашей точки зрения ключевые проблемы и слабые места в нашей экономике выявил кризис, связанный с эпидемией коронавируса? Увидели мы что-то новое или обостряются только наши старые проблемы?

Коронавирус как лакмусовая бумажка выявил все уже имеющиеся у нас ошибки и проблемы.

Первое – то, против чего я всегда боролась. Это складирование средств от сырьевого экспорта в Стабилизационном фонде, который впоследствии был преобразован в ФНБ - фонд национального благосостояния. Страну почти 20 лет держали на голодном пайке, искусственно сдерживая инвестиционный процесс, развитие социальной сферы. Нас уверяли, что это запасы «на черный день», и когда он придет, нас будут из этих запасов кормить, мы на них купим все необходимое. И вот чёрный день настал, но парадокс в том, что «черный день» наступает часто одновременно во всем мире. И в «черный день» каждая страна думает, прежде всего, о себе, и кормить нас никто не собирается. Показателен пример аппаратов ИВЛ. В пик эпидемии никто поставлять их не собирался. Расчет был на собственное производство, которое запустили в спешном порядке, и наши аппараты ИВЛ стали гореть. Вот вопрос, что надо было иметь на черный день – деньги в кубышке или диверсифицированную отечественную промышленность, в том числе и производство медицинской техники?

Использование средств Фонда национального благосостояния для покрытия дефицита - это не что иное, как эмиссия. Но ее можно было производить как при наличии ФНБ, так и без него. Если бы экономика была к этому моменту диверсифицирована и социальная сфера была бы в лучшем состоянии, то эмиссионное финансирование, даже если бы в нем была необходимость, и даже если бы образовался дефицит бюджета, при сильной, растущей экономике легче проходило бы с экономической точки зрения. Поэтому кризис выявил бессмысленность этой затеи – складирования денег в «кубышку». Также кризис показал и то, что нужно вкладывать средства в собственное производство, в фармакологическую и медицинскую безопасность. Что касается продовольственной безопасности, тут у нашего сельского хозяйства уже были определенные успехи, поэтому здесь кризис создал новые возможности, в том числе экспортные.

Второе, что выявилось - это специфическая проблема нашего малого и среднего бизнеса, которая заключается в том, что наш малый бизнес не является мелким собственником, а работает на арендованных площадях. В европейских странах малый бизнес преимущественно является собственником производственных помещений, площадей, на которых он работает. Отсутствие у нашего малого бизнеса собственного имущества и необходимость постоянно платить арендную плату в условиях кризиса существенно подрывает его жизнеспособность и ведет к банкротствам. Собственники же имущества, на котором работает малый бизнес, часто – просто рантье, которые сдают имущество и часть производственных мощностей, главным образом торговые площади, площади для бытового обслуживания, для салонов красоты, фитнеса и так далее. Это как раз те отрасли, деятельность которых в кризис была приостановлена.

Третий важный момент, который выявил кризис – это порочность схемы оптимизации здравоохранения. Я помню наши споры об этом с Вероникой Скворцовой на заседании Государственной Думы по поводу закона «Об охране здоровья», который она лоббировала. А сейчас выяснилось, что мы более-менее успешно противостояли инфекции только вопреки этой реформе и благодаря остаткам советской системы здравоохранения. Благодаря тому, что остались инфекционные больницы, что коек у нас на тысячу человек больше, чем рекомендовано в мире. Нам пытались внушить идею, что медицинские учреждения должны предоставлять услугу, а не выполнять функцию, врач не должен ходить к больному, а больной должен сам идти к врачу, и вообще поликлиническая система устарела. И вот оказалось, что, наоборот, именно то, что у нас сохранилась поликлиническая система, что, количество врачей

и больничных коек на душу населения у нас существенно больше, чем в европейских странах, и возможность привлекать участковых врачей ходить по вызовам, существенно облегчило ситуацию.

Фактически именно то, за уничтожение чего боролись реформаторы, и спасло нас в условиях пандемии: остатки старой советской системы здравоохранения, которые все время разрушали и критиковали. А те страны, на которые предполагалось ориентироваться, как раз существенно хуже справились. В США до 14% от ВВП уходит на здравоохранение (в России менее 4%), это высокооплачиваемая и высокотехнологичная отрасль. Но, тем не менее, оказалось, что массовая система здравоохранения повсеместно в Соединенных Штатах отсутствует, и показатели смертности в результате у них очень большие. Хотя они вкладывали в здравоохранение в процентах от ВВП на порядок больше нас. И сейчас мы убедились, что в старой советской системе многое было эффективным с точки зрения соотношения затрат и результатов.

И последнее, что выявил кризис – это ошибочность пенсионной реформы. Я была категорически против пенсионной реформы и повышения пенсионного возраста. Я считаю, что нужно поставить вопрос о возврате к старому пенсионному возрасту. Что нам показал коронавирусный кризис? Всех граждан старше 65 лет обязали оставаться дома. Но на самом деле ориентироваться надо было не на 65 лет, а именно по старому пенсионному возрасту, потому что высокие показатели смертности от COVID-19J – не 65 лет, а меньше. Например, в Санкт-Петербурге по всем клиникам, по которым у меня есть данные, летальных исходов больше всего в возрасте 62 года. То есть люди, от того, что мы повысили пенсионный возраст, здоровее не стали.

Как Вы оцениваете меры нашего правительства, принятые на данный момент для помощи бизнесу? Общеизвестно, что сам малый и средний бизнес считает их недостаточными...

В целом, действия федерального правительства в данной ситуации, если сравнивать с другими кризисами, были все же более адекватными. Всё-таки они были сориентированы на определённую помощь и малому бизнесу, и населению. Таких провалов, как в ходе кризиса 2014 года и 2008-2009 годов, не было. Меры принимались, пусть с запозданием и недостаточные, но в том направлении, в котором нужно.

Самая существенная ошибка – это форма введения карантинных мер и повсеместное объявление нерабочих дней с 1 апреля до 12 мая. При этом впоследствии разрешили работать выделенным системообразующим предприятиям, их выбирали по ОКВЭД, по численности и объемам выручки. Это неправильно. Если отталкиваться от эпидемиологической ситуации, то следовало бы тогда разрешить работать всем, кто не обслуживает социальные контакты, не работает с неограниченным кругом лиц и может обеспечить необходимые эпидемиологические условия. Фактически, это все материальное производство, промышленность, строительство, сельское хозяйство. То есть промышленность должна была бы работать при соблюдении определенных условий, за исключением тех отделов и персонала, которые могли быть переведены на «удалёнку». Это решило бы сразу массу проблем. А тут деятельность была разрешена предприятиям с большими оборотами и большим числом работников. Но как раз большие коллективы с точки зрения опасности заражения коронавирусом – это наибольшая опасность. Фактически же можно было вообще не приостанавливать деятельность многих предприятий, при том, что всё остальные меры при правильной, не бездумной организации, могли бы быть даже более жесткими, включая пропускную систему и штрафы. В Москве это было сделано похожим образом, однако все равно не было четких критериев предприятий, которые могли продолжать работать.

Второе, что неправильно – то, что регионы вынуждены самостоятельно помогать малому и среднему бизнесу, а средств на это у них нет. Помощь малому бизнесу и по налогам, и по аренде – это всё уровень субъектов федерации: льготы по налогу на имущество, земельному налогу, льготы по специальным налоговым режимам; освобождение от арендной платы по аренде имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, стимулирование арендодателей через налоги на имущество, чтобы они давали малому бизнесу освобождение от аренды. Весь этот комплекс мер могут реализовать только регионы, что

приводит к огромному выпадению доходов, сокращению доходной базы. Кроме того, у субъектов имеет место увеличение расходов в связи с коронавирусом на здравоохранение, на оказание дополнительной социальной поддержки, что в целом приводит к возникновению и росту дефицитов бюджетов. Субъектам федерации не было до сих пор объявлено о том, как будут покрываться дефициты их бюджетов. Например, в Санкт-Петербурге дефицит бюджета вырос на 100 млрд рублей. В Москве выпадение доходов оценивается в 500 млрд рублей. Моя оценка дефицитов бюджетов регионов в целом по стране – около 2 триллионов рублей. Нужно обеспечить покрытие дефицитов региональных бюджетов из федерального бюджета, пусть для этого будет использован Фонд национального благосостояния. Это всё равно эмиссия, но, тем не менее, своего печатного станка у регионов нет. Нужно поделиться печатным станком с регионами, чтобы они смогли в полной мере осуществить меры по поддержке малого и среднего бизнеса. Об этой помощи было заявлено на федеральном уровне, но ни технологии регионам не было дано, ни источника средств.

Если посмотреть на эту кризисную ситуацию, как на встряску, которая вынуждает проанализировать все слабые места экономики, то, может быть, она могла бы стать каким-то стартом для разработки мер не только по выходу из нынешней ситуации, но и для разработки новой программы экономического развития? С чего надо было бы начать разработку подобной, уже пост-кризисной стратегии, какие главные меры она должна содержать?

Меры все те же, что мы рекомендовали долгие-долгие годы. Это ориентация на реальное производство и его поддержка, дешевые кредиты. Необходимо найти способы заставить уже полностью обленившиеся банки работать - чтобы они осуществляли реальное кредитование экономики, ведь сегодня у них вообще нет никакого стимула кредитовать предприятия. На рынке остались крупные банки, у них практически нет конкуренции, они живут на комиссиях, если у них возникают проблемы – им государство осуществляет докапитализацию.

Нам нужны меры стимулирования малого бизнеса, они тоже очевидны. Это освобождение от налогов, доступные кредиты, обеспечение производственными мощностями и производственными условиями, решение вопросов аренды и взаимодействия с арендодателями.

Необходимо стимулировать инвестиционный процесс, восстановить инвестиционную льготу по налогу на прибыль. Иногда некоторые регионы дают такую льготу, но это не повсеместно.

Это меры, о которых мы говорим уже много лет. Что же касается новых мер, то мне кажется, что центральная власть осознала необходимость вложений в науку, в инновации. Это дает надежду на определенное продвижение по медицинским технологиям, биотехнологиям. Относительно более-менее успешное преодоление коронавирусного кризиса создало определенный авторитет у российской системы здравоохранения и отчасти – у медицинских технологий. Это можно использовать и наращивать свое присутствие на мировом рынке медицинских и биотехнологий. Экспорт медицинских технологий вместе с традиционным для нас экспортом продукции ВПК и сельского хозяйства мог бы стать еще одним из успешных видов нашего сырьевого экспорта. Кроме того, относительно успешно – меня даже несколько поразил этот быстрый переход – наши ВУЗы смогли с помощью информационных технологий во время кризиса перейти на удаленный режим дистанционного образования. Они успешно справилась с этим без подготовки, и этот опыт тоже можно использовать в будущем.